

*А. З. ЖАВОРОНКОВ,
доцент, кандидат филологических наук*

А. С. ПУШКИН О САТИРЕ

Обличение феодально-крепостнических порядков составляет одну из самых сильнейших сторон всего творчества Пушкина. Гениальный поэт смело и беспощадно хлестал «бичом» «пламенной сатиры» врагов общественного прогресса.

Сила обличительного слова поэта выросла из жгучей ненависти к деспотизму и тирании, из непримиримого протеста против палачей и душителей свободы. Возмущение народа крепостниками, презрение и ненависть декабристов к деспотическому режиму находили выход в гневных сатирах и эпиграммах Пушкина, в его свободолюбивых стихотворениях.

На протяжении всей своей творческой деятельности, начиная со стихотворения «К другу стихотворцу» и кончая последними незавершенными замыслами и гневными письмами к барону Геккерену, Пушкин проявлял глубокий интерес к сатире, очень часто обращался к этому испытанному оружию борьбы с врагами и создал множество сатирических произведений в самых различных жанрах.

Эпиграмма, сатира, басня, мадригал, иронические надписи, послания, сатирическая поэма и сказка, фельетон и журнальный памфлет, анекдот, комическая сценка-диалог — все эти сатирические и юмористические жанры Пушкин развивал усиленно и настойчиво. А если учесть многие обличительные страницы в романе «Евгений Онегин» и в прозаических произведениях Пушкина, если иметь в виду множество его исчезнувших убийственных эпиграмм, то станет вполне очевидным его исключительное внимание к сатире.

В соответствии с запросами своего времени, с борьбой прогрессивных сил против крепостничества Пушкин поднимал сатиру на одно из самых видных мест в современной литературе. Все попытки умалить значение сатиры, ограничить ее тематику получали с его стороны решительный отпор.

Волновавшие Пушкина вопросы сатиры решались им не только практически, в плане создания обличительных произведений, но и теоретически, в плане осмысливания целей, предмета, задач и путей развития художественной сатиры.

Продолжая и развивая плодотворные традиции русской сатирической литературы и журналистики XVIII века — традиции Кантемира, Новикова, Фонвизина, Крылова, Пушкин внес огромный вклад в развитие русской национальной сатиры, подготовив ее расцвет в XIX веке. По сравнению со своими предшественниками в области сатиры, Пушкин более четко и ясно осознал ее предмет и назначение в жизни общества.

Его статьи и высказывания о сатире и о творчестве писателей-сатириков — неотъемлемая часть его литературно-критической взглядов и всей его эстетической теории.

Однако взгляды Пушкина на сатиру освещались в литературоведении явно недостаточно. Отсутствует даже обзор высказываний великого писателя о сатире. Автор данной статьи стремился в какой-то мере восполнить этот пробел. Он ставит перед собой задачу: определить основные требования А. С. Пушкина к сатире, выяснить его отношение к писателям-сатирикам и к народной сатире и показать плодотворность и действенность пушкинских принципов сатиры на примере одного из произведений Пушкина.

I

Пушкин возвел сатирическое обличение крепостнических и буржуазных нравов в один из главнейших принципов своей общественно-литературной деятельности.

К постановке проблем сатиры Пушкин подводился самой жизнью, самой освободительной и общественно-литературной борьбой своего времени.

Взгляды Пушкина на сатиру складывались в напряженной борьбе против царской цензуры, стоявшей на страже интересов крепостников и их идеологии, против рептильной прессы, отрицавшей сатиру, и против умеренно-либеральной части писателей, признававшей сатиру беззлобную, безвредную, «улыбательную». В противовес предвзятым мнениям цензуры и царского правительства о сатире, Пушкин утверждал идею гражданской сатиры.

В «Послании к цензору» (1822 г.) Пушкин смело заступался за русских сатириков. Давая резкую отповедь придиравшему цензору-гонителю всего свободного и передового, поэт

возмущается его нападками на сатириков. Цензор клеветает на них, по прихоти зовет «сатиру пасквилом, поэзию развратом». С чувством гордости Пушкин вспоминает о смелой сатире Фонвизина, Державина:

В глазах монархини сатирик превосходный
Невежество казнил в комедии народной.
Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры
Их горделивые разоблачал кумиры¹.

Многие реакционные писатели и журналисты отвергали целеустремленную сатиру, боролись против нее всеми средствами, не брезгуя клеветой; к отрицанию настоящей сатиры подходили в конечном счете все консервативные поэты и критики. От проницательного взора Пушкина не ускользнула попытка некоторых писателей обезвредить жало сатиры, вернуть ее развитие на путь осмеяния мелочей и частных быта. Сатира благонамеренная, морализирующая по пустякам, сатира в рамках дозволенного находила в Пушкине беспощадного судью. Едко смеялся он над сочинителями безвредных, беззлобных сатир, в частности над Великопольским. В «Послании к Великопольскому — сочинителю сатиры на игроков» автор спрашивал:

Так элегическую лиру
Ты променял, наш моралист,
На благочинную сатиру?

О строго критическом отношении Пушкина к поверхностной сатире свидетельствуют его отзывы и высказывания о комедийном творчестве Шаховского. Еще в 1815 г. юный поэт справедливо осудил безвредный в своей основе смех Шаховского над жизненными мелочами:

«Шаховский никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец. Шаховский не имеет большого вкуса, он худой писатель — что ж он такой? — Не глупый человек, который, замечая все смешное или замысловатое в обществах, пришед домой, всё записывает и потом как ни попало вклеивает в свои комедии». («Мои мысли о Шаховском»).

Со временем отзывы Пушкина о драматургии Шаховского стали несколько благожелательнее. Однако Пушкин, не отказывая комедиям этого плодовитого драматурга в элементах сатиры, вместе с тем не переоценивал их обличительной силы и никогда не относил комедии Шаховского к высокой, серьез-

¹ Все выдержки, за некоторым исключением, приводятся по изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, изд. Акад. наук СССР, 1949.

ной сатире. В романе «Евгений Онегин», говоря о театре, Пушкин точно определил главную особенность комедийного дарования Шаховского.

Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой.

Эпитетом «колкий» отмечалась сатирическая направленность творчества Шаховского, однако до резкой, убийственной сатиры этот драматург был очень далек. По определению Пушкина, Шаховский был способен лишь на мелкие уколы.

В дворянской литературе начала XIX века за образцы сатирических произведений выдавались прилизанные, далекие от злобы дня сатиры И. Дмитриева.

Благонамеренный поэт, каким был И. И. Дмитриев, не мог в силу своих консервативных социально-политических взглядов подняться до «ювенальского негодования», до подлинно обличительного пафоса. Несмотря на это, многие дворянские критики восторгались его сатирами, ориентировали на них сочинителей обличительных стихотворений. Восторженно отзывался о Дмитриеве П. А. Вяземский. Пушкин резко разошелся с распространенным мнением о Дмитриеве как образцом сатирике:

«И что такое Дмитриев? — писал в 1823 г. Пушкин Вяземскому. — Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова, все его сатиры — одного из твоих посланий»¹.

Пожалуй, самым опасным противником Пушкина в борьбе за реалистическую литературу, в особенности за ее сатирическую направленность являлась «Северная пчела» и ее издатель Ф. Булгарин, печатавший в своей газете с 1825 года фельетоны в разделе «Нравы». В каждом фельетоне обязательно выступал нудный резонер.

При всем своем тематическом разнообразии фельетоны в разделе «Нравы» были весьма однообразны по идейной направленности и стилю. Эти фельетоны нельзя было считать сатирой. В них не было реалистических красок, не было правдивых образов, не затрагивались общественные пороки. В каждом из фельетонов Булгарина, лишенных обличительного пафоса, проповедывались прописные истины, вроде того, что нельзя занимать деньги у ростовщиков, нельзя быть невежественным, что дурно ходить по модным магазинам и т. д.

В 1830—31 гг. псевдо-сатира Булгарина получила достой-

¹ А. С. Пушкин, т. 10, стр. 83.

ный отпор со стороны Пушкина в его знаменитых журнальных фельетонах и памфлетах против Булгарина. Распространенному в дворянской литературе и критике мнению о невинной беззлобной сатире, потешающей читателя веселыми картинками, Пушкин противопоставлял принципиально иное представление о цели и назначении сатиры в обществе. Развенчивая общепризнанные в консервативных кругах кумиры в роде Дмитриева, Булгарина, он оправдывал и высоко превозносил подлинных сатириков, разоблачавших противника со всей резкостью и определенностью, в духе своих требований создавал собственные сатирические произведения. Беспощадная политическая сатира приводила в дрожь правителей крепостной России и их преданных слуг. В. Жуковский, признавая талант Пушкина, в то же время с крайним раздражением писал о его антикрепостнических стихах: «Но я ненавижу все, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности»¹.

Несмотря на неравенство сил, на непрерывные гонения и жизненные невзгоды, Пушкин энергично и настойчиво вел по вопросам сатиры последовательную борьбу с противниками реализма. В ходе этой борьбы, высказываясь неоднократно по вопросам сатиры, Пушкин осветил ее основные задачи, выявил целый ряд важнейших особенностей, определил место и значение выдающихся мастеров сатиры в истории литературы.

Главное назначение сатиры Пушкин видел в беспощадном обличении ее предмета, в безоговорочном развенчании отрицательных явлений действительности во имя утверждения новых разумных начал жизни. Писатель-сатирик действует на общество посредством осмеяния общественных пороков; его выступления преследуют высокие цели. Смеха ради смеха в творчестве настоящего сатирика не может быть.

В произведениях самого Пушкина пафос воспевания передовых, освободительных идеалов, как правило, сливается с пафосом осмеяния феодально-крепостнического строя. Обличение тунеядцев у Пушкина неотделимо от утверждения прогрессивных идей. Еще в юношеской сатире «К Лицинию» Пушкин, высмеивая разврат и тиранию, мечтает о свободе². В оде «Вольность» молодой поэт эти две главные цели своего творчества не разрывает.

¹ Из письма Жуковского Пушкину от 12 апреля 1826 г. В акад. собр. соч. А. С. Пушкина, 1937, том 13, стр. 271.

² См. об этом в статье Н. К. Пиксанова „Лицейская лирика А. С. Пушкина“ (кн. А. С. Пушкин, 1799—1949, Материалы юбилейных торжеств, стр. 323—324).

Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок.

Великий русский поэт отчетливо представлял себе высоко нравственную воспитательную задачу сатиры. Но это представление Пушкина о воспитательной роли сатиры было принципиально отличным от установки классицизма и его позднейших приверженцев на развитие абстрактно-морализирующей беззлой сатиры. Пушкин требовал от сатирика ясно определять ту мишень, на которую направляется очередной удар, и утверждать высокие нравственные ценности, воспитывать в человеке положительные качества. О необходимости использовать сатиру в нравственных целях Пушкин говорил в одном из ранних своих стихотворений:

...вдохновенный Ювеналом,
Вооружась сатиры жалом;
Подчас прими ее свисток,
Рази, осмеивай порок,
Шутя показывай смешное
И, если можно, нас исправь.

(К Батюшкову — 1814 г.).

Предметом сатиры может быть все, что приносит вред общественному прогрессу, все, что мешает народу в его жизни. Последовательный сатирик, сознавая свои гражданские обязанности, смело нападает на общественные язвы и пороки, не щадя и их конкретных носителей.

«Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждого сословия» — говорит одно из действующих лиц «Опыта отражения нелитературных обвинений» Пушкина¹.

В тогдашних условиях носителями человеческих «пороков» и слабостей в первую очередь выступало «барство дикое», духовенство и самодержавие. Поэтому сокрушительные удары сатиры самого Пушкина направлялись прежде всего против этих социальных сил.

Подлинная сатира в эпоху Пушкина предполагала не критику частных недостатков в предмете, а обличение его посредством смеха и негодования. «Но сатира не критика, — пишет Пушкин, — эпиграмма не опровержение»².

Любое сатирическое произведение призвано бить по отрицательным явлениям в жизни, по общественным порокам и конкретным носителям их. Так, определяя основную обязан-

¹ Т. 7, стр. 207.

² «Разговор о критике», 1830, т. 7, стр. 104.

ность сатирика-эпиграммиста, Пушкин советует пользоваться острым обличительным словом для того, чтобы пригвоздить врагов к позорному столбу:

Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный.
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех — но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой.

(«Совет»).

Писатель принимается за оружие сатиры, как боец берет за оружие перед битвой, для того, чтобы сразить противника, вывести его из строя. Недаром Пушкин, приравнивая действительное слово то «всеразрушительным типографическим снарядом», то «ювеналовым бичом», то «жалом сатиры». Поприще сатирика — славное, но опасное поприще. На нем укрепляются лишь те писатели, которые, обладая достаточной волей и мужеством, не боятся вступать в столкновение с сильным врагом, не боятся ломать консервативные традиции. У писателей-сатириков немало личных врагов, подчас их жизнь находится в опасности.

Непримиримо относясь к подлости, в какой бы личине она ни проступала, Пушкин требовал от всех сатириков гражданской смелости и мужества. Он не принимал половинчатых выпадов против нравов, не мирился с непоследовательным обличением их. Сам поэт, принимающийся за «ювеналов бич» должен сурово расправляться с подлецами и нахалами, должен страстно бичевать весь лагерь защитников реакции:

О муза пламенной сатиры,
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!
Не подражателям холодным,
Не переводчикам голодным,
Не безответным рифмачам
Готовлю язвы эпиграмм.
Мир вам, несчастные поэты,
Мир вам, журнальные клеветы,
Мир вам, смиренные глупцы!

А вы, ребята подлецы, —
Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда!
Но если же кого забуду,
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!
(«О муза пламенной сатиры»).

Правда, эти смелые стихи при жизни поэта не печатались, но верность высокому идеалу сатирика-гражданина Пушкин подтверждал многократно эпиграммами. Не раз в столкновениях с противниками он обнаруживал исключительную смелость и решимость.

Гражданскую смелость Пушкин находил у русских сатириков. Он ставил в заслугу своему дяде В. Л. Пушкину смелость обличения косных сил в сатирической поэме «Опасный сосед» (1816 г.), хвалил его за то, что он умел:

И с гневной музой Ювенала
Глухого варварства начала
Сатирой грозной осмеять.

Пушкин был глубоко убежден в действенности негодующего смеха. Сатира, основанная на негодующем смехе, действительна в том случае, если она захватывает читателей, заражает их ненавистью к своему предмету, чувством гнева и негодования.

Правильный выбор объекта сатиры зависит от мировоззрения писателя, от его идеалов, жизненного опыта, индивидуальных склонностей. Пушкин учит тому, чтобы верно и точно находить предмет для сатирического изображения. Иначе сатира может принести вред вместо пользы. Так он осудил сатиру Е. Баратынского «Послание к Гнедичу» не только за недостаточность остроты, но прежде всего за авторское глумление над стремлением писателя Сомова сохранить свою творческую независимость от царской администрации:

«Сатира к Гнедичу мне не нравится, даром что стихи прекрасные, в них мало перца; Сомов безмундирный непростительно. Просвещенному ли человеку, русскому ли сатирику пристало смеяться над независимостью писателя?»¹.

¹ Письмо от 16 ноября 1823 г., т. 10, стр. 71.

Идея творческой независимости писателя волновала не одного Пушкина. Эта идея развивалась декабристами, пропагандировалась в их статьях (см. обзор А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов»).

Доказывая губительность «корыстных ласк меценатов» и «сетей света», опутывающих поэта, декабристский критик А. Бестужев призывает писателя обращаться к природе в условиях уединения: «Альфиери и неизмеримый Байрон гордо сбросили с себя золотые цепи фортуны».

Поэту необходима независимость своих мнений от мнений аристократической черни, независимость и самостоятельность в выборе тем, в трактовке их. Одно из достоинств русских передовых писателей заключается в их творческой оригинальности, самостоятельности и независимости.

«Мы можем, — писал Пушкин, — праведно гордиться: наша словесность, уступая другим в роскоши талантов, тем перед ними отличается, что не носит на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы»¹.

Сфера деятельности сатирика обширна, тематика для его произведений неисчерпаема. Пушкин оправдывал включение в поле зрения сатириков любых жизненных явлений, стоящих преградой на пути прогресса. Когда П. А. Вяземский выразил протест против попыток некоторых писателей касаться в произведениях «непоэтической», уголовной темы, Пушкин встал решительно на защиту свободного выбора тем писателями, подчеркивая особое значение сатиры в деле борьбы с социальными преступлениями, не подпадавшими под законоположения: «Куда не достягает меч законов, туда достает бич сатиры»².

В условиях произвола и насилия, прикрываемых внешней видимостью законности и порядка, сатира оказывалась действенным средством, проникающим во все темные углы жизни. Важное положение Пушкина о праве сатириков проникать в любые сферы общественной жизни подкреплялось многочисленными примерами из его поэтической практики, многочисленными выступлениями против полицейского и цензурного произвола, против преступных действий самодержавия, против гнусных сыщиков от литературы типа Булгарина и т. п.

Помимо точного определения предмета сатиры необходимо осознать его сущность, постигнуть весь его вред для передовых кругов общества. С этой целью избранный для сатиры предмет

¹ А. А. Бестужеву, к. мая—н. июня 1925, т. 10, стр. 146.

² П. А. Вяземскому, т. 10, стр. 41, 1 сентября 1822 г.

тщательно разведется, осваивается и только в результате глубокого изучения писатель устанавливает благоприятный момент для нанесения удара по избранному объекту. Неожиданность, внезапность нападения на застигнутого врасплох врага — важное свойство искусства сатирика, всемерно поощряемое Пушкиным.

Сам Пушкин умел держать врагов в поле своего зрения столько, сколько это было нужно в интересах борьбы. Притупляя бдительность недругов, на которых готовится «бич ювенала», не давая им знать о себе до поры до времени, Пушкин неожиданно нападал на них, подвергая убийственному осмеянию. Эту испытанную тактику он применял с большим успехом много раз. В стихотворении «Приятелям» поэт, делясь своим замечательным опытом, писал:

Враги мои, покамест я ни слова,
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу, нежданый, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

Чем неожиданнее удар сатиры, тем больше паники в стане врагов, тем ощутительнее ее разрушительная сила. Умение выбрать общезначимый объект сатиры, глубокое знание его, ясность цели, гражданская стойкость и мужество, способность уловить подходящий момент для нанесения самого сильного удара — все эти качества при наличии высокого художественного мастерства придают выступлению сатирика силу и действенность, приносят ему успех.

Выдвигая проблемы сатиры, Пушкин не отрывал их от общих проблем своей реалистической эстетики. Более того, все основные положения его эстетики не теряли силы в отношении к сатире. Требование художественной правды как основы пушкинского творчества целиком и полностью распространялось на его сатирические произведения.

По мнению Пушкина, в сатире также очень важно отметить сходство образа с изображаемым предметом, иначе сатира может не дойти по назначению, может оказаться выстрелом вхолостую. Требуя от сатириков правдивого воспроизведения жизни, Пушкин сравнивал один из излюбленных своих жанров — эпиграмму с зеркалом, в котором отражаются реальные черты ее предмета:

Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага;
Приятно зреть, как он, упрямо
Склонив бодливые рога,
Невольно в зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Приятней, если он, друзья,
Завоет сдуру: это я!

(«Евгений Онегин» — VI гл.).

Вместе с тем Пушкин был далек от натурализма, от фотографического отражения действительности. Работа писателя не зеркально мертвленное отображение, но активный творческий процесс, результатом которого является создание образов и картин глубоко обобщенных, раскрывающих типические стороны социальной действительности. В этом процессе не последнюю роль играет личное мнение писателя.

Пушкин считал недопустимым бесстрастное, равнодушное отношение писателя, в особенности сатирика, к объекту изображения. Сама природа сатиры не терпит безразличия и равнодушия художника, не приемлет смеха ради смеха. «Пламенная сатира», «Грозная сатира», «ювеналов бич» — во всех этих эпитетах выявляется страстный, пламенный темперамент Пушкина как сатирика с его крайней заинтересованностью в развитии острой, страстной реалистической сатиры.

Сатирические произведения не должны противоречить общим принципам реализма, принципам художественной правды и типизации.

Образцом сатиры, отвечающей основным принципам пушкинской эстетики и сохраняющим пропорции реальности, поэт считал комедию «Горе от ума», автор которой проявляя «черты истинно комического гения», давал «правдивое изображение характеров» и «резкую картину нравов». Не соглашаясь с трактовкой Чацкого в комедии, Пушкин вместе с тем восторгался реалистической полнотой обрисовки Фамусова, Скалозуба, Молчалина.

Распространяя на сатиру общие принципы реалистической эстетики, Пушкин однако не отрицал права писателя-сатирика пользоваться приемом преднамеренного сгущения красок, прибегать к гиперболизированному показу порочных характеров, к любым художественным приемам, помогающим высмеивать уродливые явления действительности. Он хорошо знал, что в различных художественных формах и жанрах применяются различные средства и приемы типизации. Проблемы типизации

и индивидуализации сатирических образов решались им дифференцированно, применительно к различным жанрам сатиры, к их общим композиционно-стилистическим особенностям. Если существовавшие до него жанры не могли быть использованы в определенных целях, то он искал и создавал новые формы (журнальный памфлет, фельетон, стихотворный роман с ярко выраженной обличительной окраской и т. д.).

Пушкин ощущал неисчерпаемые возможности сатиры во всех художественных формах, не исключая высокой трагедии и поэмы («Борис Годунов», «Полтава»). Им возводилась в величайшее достоинство способность подлинного художника глубоко переживать и чувствовать в самых различных душевных состояниях. По этому поводу он писал в одной заметке: «Нам приятно видеть поэта во всех состояниях его живой и творческой души: и в печали, и в радостях, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств, и в ювенальском негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа..., благоговею перед созданием «Фауста», но люблю и эпиграммы».

Лично Пушкин из всех сатирических жанров выше всего ценил эпиграмму и сатиру. Эти небольшие формы позволяли ему быстро откликаться на злобу дня, успешно отбивать удары врагов и неожиданно нападать на них.

В силу своей жанровой природы эпиграмма призвана быть наиболее злободневным и острым стихотворным жанром, метким оружием поэта-сатирика. По мнению Пушкина, этой цели вполне отвечали меткие острые эпиграммы Е. Баратынского.

«Эпиграммы Баратынского — сии мастерские, образцовые. Эпиграммы не щадили правителей русского Парнасса», Баратынский «не мог не удержаться, чтоб сильно не выразить иногда своего мнения в этих маленьких сатирах, столь забавных и язвительных»¹.

Данную Пушкиным точную характеристику эпиграмм Баратынского можно без всяких оговорок отнести к собственным эпиграммам великого поэта. «Их всего около пятидесяти, — писал Пушкин о своих эпиграммах, — и все оригинальные»².

Пушкин ясно видел сильные и слабые стороны эпиграммы как жанра короткого сатирического стихотворения, направленного на конкретную цель. Сила жанра заключалась в остром метком слове, действующем тут же, слабость — в потере силы при повторении эпиграмматического слова:

¹ Том 7, стр. 223.

² П. Вяземскому, апрель 1825, т. 10, стр. 134.

«Эпиграмма... (острое слово, украшенное парюю рифм) скоро стареет, и, живее действуя в первую минуту, как и всякое острое слово, теряет всю свою силу при повторении. Напротив в эпиграмме Баратынского сатирическая мысль приемлет оборот то сказочный, то драматический и развивается свободнее, сильнее. Улыбнувшись ей как острому слову, мы с наслаждением перечитываем ее как произведение искусства»¹.

С еще большим успехом использовались сильные и преодолевались слабые стороны эпиграмматического жанра в эпиграммах самого Пушкина, с еще большим интересом перечитывались его собственные эпиграммы «как произведения искусства», надолго пережившие тот момент, которым они были вызваны.

Современники А. С. Пушкина в своих воспоминаниях говорят об исключительной силе Пушкина-эпиграмматиста. Так, например, И. П. Липранди отмечает исключительную меткость и действенность его эпиграмм. По словам И. П. Липранди, эпиграмма Пушкина «отличалась своими убийственными, но верными выражениями»².

Необыкновенный успех, выпавший на долю пушкинских эпиграмм, во многом основывался на умелом сочетании двух важных принципов: конкретности и обобщенности образов. Сочетание этих двух принципов Пушкин всемерно оправдывал (см., например, эпиграмму «Журналами обиженный жестоко», т. 3, стр. 108, или «Как сатирой безымянной», том 3, стр. 119). Наряду с эпиграммой Пушкин не терял из виду другой испытанный в сатирической поэзии жанр — жанр сатирического стихотворного послания (сатиру). Достаточно сказать, что в разные годы его жизни им было написано более 10 сатир, начиная с первого печатного стихотворения «К другу — стихотворцу» и кончая убийственным политическим памфлетом «На выздоровление Лукулла».

Во всех его сатирах обнаруживается характерное качество Пушкина-сатирика — умение совмещать удар по конкретным носителям пороков с ударом по общим социально-политическим основам крепостничества, на которых вырастали эти конкретные носители пороков. Это великолепное качество нигде так полно не развернулось, как в сатире «На выздоровление Лукулла».

¹ Том 7, стр. 223.

² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, М., 1950, стр. 294.

Современники автора этой сатиры узнали в ней одного из вдохновителей политической реакции, графа Уварова, казнокрада, подлого лицемера и личного гонителя Пушкина. С нескрываемым раздражением встретили эту сатиру при дворе, в связи с чем Пушкину пришлось готовить Бенкендорфу объяснение, в котором он, ссылаясь на пример Державина, написавшего «Вельможу», пробовал отрицать личный характер сатиры. Однако со временем Пушкин все же признал ее персональную направленность. Пушкин в расшифровке содержания своей беспощадной сатиры вскрывал две ее общие особенности: обобщенность сатирического образа и определенность сатиры, ее личную направленность.

По степени близости к жизни, по своим художественным возможностям сатира ставилась Пушкиным выше оды:

«Сатира стоит выше оды — требует творчества воображения — гениального знания природы», — писал он.

В борьбе с литературной рутинной Пушкин отводил особую роль пародиям. От пародиста он ожидал «редкой гибкости слога», умения пользоваться словесными средствами противника:

«Хороший пародист, — замечает Пушкин, — обладает всеми слогами»¹. Этим умением обладал в совершенстве сам поэт: вспомним хотя бы его изумительную пародию на бездарные оды графа Хвостова.

Немало внимания уделял Пушкин вопросам стиля и языка сатирических произведений. При отборе языковых средств выразительности и образительности он руководствовался принципом приведения их в полное соответствие с жанровыми особенностями произведения и со всем идейно-художественным замыслом. В зависимости от характера сатирического произведения, от степени остроты осмеяния и обличения (юмор, ирония, презрение, негодующий смех, сарказм и т. п.) произведение приобретает соответствующую языковую и стилистическую окраску.

От языка сатиры, как и от всех реалистических произведений вообще, Пушкин требовал точности и ясности, меткости и выразительности. Этими качествами отличались собственные сатирические произведения Пушкина, например, эпиграммы. Среди достоинств эпиграмматического языка Пушкин выделял в первую очередь правдивость и краткость. Об одной своей

¹ А. С. Пушкин. „Англия есть отечество карикатуры“, т. 7, стр. 148.

эпиграмме Пушкин писал, что в ней «каждый стих — правда», а о краткости эпиграмматического языка заявлял: «Краткость одно из достоинств сказки эпиграмматической»¹.

Наряду с общими достоинствами языка реалистической литературы, язык и стиль сатирических произведений при благоприятных обстоятельствах и возможности обойти царскую цензуру должны отличаться резкостью и хлесткостью выражений, прямолинейностью и определенностью тона. Эти качества сатирической речи Пушкин находил у многих эпиграмматистов, в частности у Ж. Б. Руссо, «похабные эпиграммы» которого «стократ выше од и гимнов» и являются «образцом» эпиграмматического рода стихотворения².

Всех этих качеств, по мнению Пушкина, недоставало многим его современникам, поэтам сатирикам. Явно полемизируя с блюстителями салонно-благопристойного вычурно-бесцветного слога, Пушкин «желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность»³.

«Я не люблю, — писал он в этой связи, — видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали»⁴.

В противовес безобидным сатирам и басням Дмитриева, Измайлова, Пушкин широко использовал в своей сатире богатейшие возможности народного русского языка, утверждая на его основе новый поэтический стиль.

Высказываясь о методах и приемах ведения полемики, Пушкин намечал очень важные для полемиста-сатирика требования — быть беспощадным и резким в отношении противника. Отвергая «принцип вежливости в полемике», который применяла иногда «Литературная газета», Пушкин отстаивал разоблачающую направленность полемики, ценил «умную» критику, ожидая от полемиста того, чтобы он «оживлял», «мыслил», «сердил» и «заставлял мыслить», «смеяться». Особенно ценил Пушкин в полемике иронию, которой сам владел мастерски. Ирония, лукавая фраза, сопоставление фактов усиливают полемический тон статей и фельетонов Пушкина.

Признавая резкость и прямолинейность полемики важнейшими качествами ее стиля, Пушкин вместе с тем вынужден был считаться с местом и временем выступления сатирика-

¹ Том 10, стр. 119.

² Там же.

³ Там же, стр. 76.

⁴ Там же.

полемиста. При открытой полемике на страницах прессы нельзя было забывать о цензуре. Трудностями цензурного характера объяснялись поиски поэтом обходных способов обличения, инсказательных образов и выражений («Эзопова языка» — как сказал бы Щедрин).

«У нас, где личность ограждена цензурою, — писал Пушкин, — естественно нашли косвенный путь для личной сатиры именно обиняки»¹.

В силу цензурных строгостей Пушкин требовал развивать в сатире и полемике язык намеков (или «обиняков») и сам подавал полемистам своего круга практические примеры. Замечательным образцом пушкинской манеры объясняться и нападать с помощью «обиняков» (намеков) может служить пародийно-стилистическое заглавие будто бы готовящегося Пушкиным романа «Настоящий Выжигин». Этим заглавием Пушкин, на основании собранных им подробностей из темной биографии Булгарина, так прозрачно и ядовито указывал на них, что «шпион-литератор» узнал себя. Сила удара была такова, что взбешенный Булгарин велел пустить себе кровь. Все, кому ненавистно было имя Булгарина, с одобрением встретили выступление Пушкина.

«Мы все кланяемся в ножки Пушкину за оглавление нового романа, — писал 2 октября 1831 г. С. Т. Аксаков. — Прелесть, чудо! Вот как надобно казнить бездельников и не судить их как литераторов».

До конца своей жизни Пушкин не отступал от принципов реалистической сатиры и целеустремленной полемики. Руководя журналом «Современник», он признавал «необходимыми и полезными для журнала» «острые» критические разборы, которые заключали бы в себе «сатирическое осмеяние противника».

Великий поэт всегда помнил золотое правило для сатирика: высмеять, «пригвоздить к позорному столбу» порок. Какими бы средствами и приемами ни пользовался полемист-сатирик, он не должен отвлекаться от главной задачи — высмеять и победить противника.

Взгляды Пушкина на роль поэта как гражданина-обличителя свидетельствуют о непримиримо враждебном отношении Пушкина к реакционной идее чистого искусства. Даже в самые трудные годы своей жизни Пушкин не прекращал борьбы за развитие высокой гражданской сатиры.

¹ А. С. Пушкин, «Опыт ограждения некоторых нелитературных обиняний», т. 7, стр. 201.

Веда неустанную борьбу за действенную острую сатиру, определяя ее цели и задачи, Пушкин опирался на богатый опыт русской и мировой сатирической литературы, на творчество ее выдающихся представителей. Причем среди них наиболее прочными и глубокими симпатиями гениального поэта пользовались такие замечательные мастера обличительного слова, как Ювенал, Тацит, Гораций, Вольтер, Фонвизин, Крылов, Державин, Грибоедов, Гоголь.

Уже в лицейские годы Пушкин, догадываясь об огромном общественном значении сатиры, усиленно и настойчиво осваивает лучшие образцы русской и зарубежной сатирической поэзии. В перечне любимых писательских имен и произведений из русской литературы автор стихотворения «Городок» называет выдающихся зарубежных поэтов-сатириков Горация, Ювенала, Вольтера. С годами внимание Пушкина к творчеству сатириков возросло.

Из всех писателей, отвечающих званию сатирика, Пушкин вспоминал чаще всего Ювенала, Вольтера, Фонвизина, Крылова. При этом, интерес великого русского поэта к их творчеству не был чисто академическим и профессиональным. Рассеянные в его письмах и стихах замечания и высказывания о «смелом властелине» «сатиры» Фонвизине, об истинно национальном русском поэте Крылове, о музе пламенной сатиры Ювенала, о язвительном Вольтере приводятся, как правило, в связи с постановкой и разрешением остро принципиальных вопросов сатиры.

В качестве высокого образца сатирической поэзии Пушкин ставил сатиры великого древнеримского поэта Ювенала, беспощадного обличителя порочной и развратной жизни высших слоев рабовладельческого общества. Ювенал привлекал русского поэта непримиримым отношением к порокам, гражданским мужеством, прямолинейностью своей сатиры.

Целеустремленность обличения, жгучая ненависть к тунеядцам, грозный смех, вдохновенный гнев и пламенное негодование — все эти свойства поэтического дарования Ювенала, замеченные Пушкиным, были необходимы, по его мнению, каждому сатирику.

Признание достоинств Ювенала как сатирика делалось задолго до Пушкина, в частности в русской литературе — Сумароковым, Карамзиным, Дмитриевым, Жуковским. Давно

уже его имя стало синонимом смелого обличителя. Однако никто из предшественников Пушкина и декабристов не осознавал пламенные, полные негодования стихи Ювенала в свете политической злобы дня, в свете коренных потребностей современной литературы.

Пушкин и декабристы, давшие Ювеналу исключительно высокую оценку, пользовались его именем для обозначения гражданских требований к сатире.

Положительная оценка художественного гения Ювенала сопровождается у Пушкина весьма характерными эпитетами и метафорами, раскрывающими важнейшие особенности творчества древнеримского сатирика: «вдохновенный Ювенал», «Жало сатиры», «Ювеналов бич», «сатира грозная», «гневная муза Ювенала», «ювенальское негодование», «строгие стихи Ювенала», «его суровые творенья» и т. д. Во всех этих определениях подчеркивается активная наступательная позиция сатирика, непримиримый характер его выступлений. Само имя Ювенала применялось Пушкиным в качестве меры оценки новых сатирических произведений. Более того, имя Ювенала нередко осеняло собственные порывы Пушкина к сатире, поднимало его пламенное негодование и поддерживало стойкость в борьбе с развращенным аристократическим светом.

Заинтересовавшись Ювеналом еще в отроческие годы (Послания «К Батюшкову», «К В. Л. Пушкину»), Пушкин пронес свои симпатии к нему в годы нарастания революционного подъема («Послание к В. Раевскому», «О муза пламенной сатиры»), не забывал его и в годы черной николаевской реакции, собирался перевести его сатиры (черновик «Послания к кн. Козловскому»).

В последний год своей жизни великий русский поэт живо откликнулся на предложение ученого латиниста В. В. Козловского познакомить русскую публику с творениями Ювенала и взялся за перевод на русский язык его десятой сатиры («От западных морей до самых врат восточных»), но, чувствуя себя недостаточно подготовленным, вынужден был временно отказаться от переводов с латинского на русский язык. В сохранившемся черновике начала «Послания к кн. Козловскому» (1836 г.) он объясняет свой отказ переводить Ювенала не столько трудностями лингвистического порядка, сколько исключительным своеобразием музыки Ювенала, ее неповторимой гармонией:

Простясь с ...мечтой и бледным идеалом,
Я приготовился бороться с Ювеналом,

Чьи строгие стихи, неопытный поэт,
Стихами перевести я было дал обет.
Но развернул его суровые творенья,
Не мог я одолеть пугливого смущенья...
Стихи бесстыдные приапами торчат,
В них звуки странною гармонией трещат¹.

Таким образом, бесстрашный суровый Ювенал был одним из первых среди любимых постоянных литературных спутников Пушкина, помогая ему ковать грозную сатиру на врагов. И что примечательно в неизменных глубоких симпатиях Пушкина к Ювеналу, — это неуклонное, упорное стремление распространить его творческое наследие среди читателей, использовать его сатиры в интересах современности, в интересах развязки боевой русской сатиры.

Сам Пушкин подавал пример освоения лучших сторон сатиры Ювенала. Недаром современники Пушкина нередко измеряли силу его собственных обличительных стихотворений силой сурового Ювенала. Так Кюхельбекер в стихотворении «Поэты» (журнал «Соревнователь», 1820, № 4), написанном вскоре после ссылки Пушкина на юг, славит его за «грозный бич» Ювенала:

В руке суровой Ювенала
Злодеям грозный бич свистит
И краску гонит с их ланит,
И власть тиранов задрожала.

(Эти стихи, воспевавшие сатиру Пушкина на власть тиранов, вызвали донос на Кюхельбекера).

Отдавая предпочтение Ювеналу перед всеми другими сатириками античной литературы, Пушкин вместе с тем не умалял роли таких видных ее представителей как Гораций, Персий (см. стихотворения «Городок», «Послание к Великопольскому»), хотя Горация он ценил больше не за сатирические произведения, а за жизнерадостную любовно-эпикурейскую лирику. Причем увлечение горацианскими мотивами показательно для лицейского и ранне-петербургского периодов жизни Пушкина. Пушкину было ясно, что между сатириками Горацием и Ювеналом наблюдалось глубокое различие, на их творчестве отпечателся дух разного времени и индивидуальный облик каждого сатирика. Поднимаясь на историческую точку зрения в объяснении некоторых литературных явлений, Пушкин в статье «О поэзии классической и романтической»

¹ Том 3, стр. 388.

советует учитывать дух времени и в зависимости от этого рассматривать произведения писателей и устанавливать различие между мастерами одного и того же поэтического вида:

«Гимн Ж. Б. Руссо духом своим, конечно, отличается от оды Пиндара, сатира Ювенала от сатиры Горация»¹.

Горацию, как сатирику, недоставало многих важных качеств — гнева, негодования, злости, непримиримой ненависти, что объяснялось его более умеренной по сравнению с Ювеналом идейной позицией. Если гневные сатиры Ювенала диктовались суровой борьбой против развращенной рабовладельческой знати, желанием полностью развенчать в глазах читателей порок, доводя их сердце до содрогания, то легкие сатиры Горация вызывались требованием перевоспитывать носителей порока, просветить их сознание. По словам Пушкина, горацянская сатира, «тонкая, легкая и веселая, не устоит против угрюмой злости тяжелого пасквиля».

Сатирам же Ювенала нечего было бояться клеветников и пасквилянтов. Наоборот, последние боялись как огня его грозных обличительных стихов.

Из сатириков нового времени Пушкин выдвигал на одно из первых мест выдающегося французского писателя-просветителя, особо выделяя из его наследия обличительные произведения. Уже в лицейские годы он в шутку называл себя «крестником» Вольтера. Среди наиболее ценимых книг он упоминает и книги Вольтера (в стихотворении «Городок»), много позднее, в одном незаконченном стихотворении 1835 г., поэт снова вспоминает о своем неугасающем увлечении Вольтером:

Еще в ребячестве бессмысленно лукавом
Я встретил старика с плешивой головой,
С очами быстрыми, зеркалом мысли зыбкой,
С устами, сжатыми наморщенной улыбкой².

Восхищаясь шутивно-игривыми стихами из «Орлеанской девственницы» Вольтера, его остротами и насмешками, Пушкин ценил в нем прежде всего вольномыслие и могучий обличительный пафос, смелость, гнев, негодование, злую иронию, язвительную улыбку, т. е. те самые черты, которые необходимы подлинному сатирику. Вместе с тем, идейные позиции Вольтера были весьма противоречивы, что не могло не вызвать критического отношения к нему со стороны Пушкина.

¹ А. С. Пушкин, т. 7, стр. 33.

² Том 3, стр. 403.

В последний год жизни Пушкин напечатал в «Современнике» статью о Вольтере, заключающую меткую характеристику идейно-духовного облика и поведения знаменитого французского писателя.

«Вольтер во все течение своей долгой жизни не умел сохранить своего собственного достоинства... Вольтер и в старости не привлекал уважения к своим сединам: лавры, их покрывающие, были обрызганы грязью... Он не имел самоуважения и не чувствовал необходимости в уважении людей. Зачем ему было променивать свою независимость на милости государя ему чужого, не имевшего никакого права его к тому принудить?»¹.

В этих строках, написанных Пушкиным в тот момент, когда царский двор усилил на него свое давление, нельзя не заметить горького упрека автора самому себе. Пушкин осуждал здесь не только иллюзии Вольтера относительно благодетельной роли просвещенного абсолютизма (Пушкин ясно намекал на факты унижения и пресмыкательства Вольтера перед прусским монархом), но и свою служебную зависимость от царского двора.

Высокое назначение писателя несовместимо с его компромиссным отношением к деспотизму. Нельзя мириться с унижением писательского достоинства, нельзя молчать, когда славное имя писателя обливают грязью. А Вольтер терпел унижение, терпел покровительство монархов. Только «независимость и самоуважение,—говорит Пушкин в той же статье,—одни могут возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы».

Образец соответствия гражданских устремлений, личного поведения и сатирического пафоса Пушкин находил в жизни и деятельности замечательного русского писателя-просветителя Д. И. Фонвизина. Все в этом сатирике — и свободолюбие, и любовь к России, и ненависть к крепостничеству, и смелость обличения пороков, — радовало и восхищало Пушкина, поднимая у него чувство патриотической гордости. С именем Фонвизина Пушкин связывал лучшие традиции в современной русской сатирической поэзии.

В патриотизме Фонвизина Пушкин видел определяющую черту его характера. Он гордился принадлежностью автора «Недоросля» к русскому народу, называл его «русским сельчаком» и решительно возражал против раздельного на-

¹ Том 7, стр. 419—420.

писания его фамилии, требуя писать ее слитно: ведь Фонвизин «русский из прерусских».

Величие и бессмертие Фонвизина как сатирика основывалось, по мнению Пушкина, на народности содержания и языка его произведений. В статье «Опровержение на критики» Пушкин ставит антикрепостническую комедию «Недоросль» в разряд подлинно «народных творений». «Недоросль», сей единственный памятник народной сатиры, богат просторечием».

Отмечая в сатирах Фонвизина колоссальную обличительную силу («страшна Фонвизина рука»), Пушкин невольно жалел, «что не Фонвизину досталось изображать наши нравы», т. е. нравы современного Пушкину дворянско-крепостнического общества, в котором Простаковы и Скотинины продолжали жить и здравствовать.

Не только комедия «Недоросль» получила высокую оценку Пушкина. Все другие произведения Фонвизина («Бригадир», «Послание к слугам», «Вопросы», «Разговор у княгини Халдиной») восхищали его остроумием автора, меткостью образов, языка. На своей собственной сатире Пушкин испытал немалое воздействие со стороны Фонвизина. В 1815 г., под непосредственным влиянием фонвизинского «Послания к слугам», им создается сатирическая поэма «Тень Фонвизина», где частично пересказывалось несколько стихов из «Послания». Стихами из этого произведения, образом Митрофанушки из «Недоросля» Пушкин воспользовался и в повести «Капитанская дочка».

В подходе Пушкина к творчеству Фонвизина было много общего со взглядами декабристов на Фонвизина. В сатире Фонвизина декабристы также подчеркивали в первую очередь элементы народности. Так, А. Бестужев писал о том, что «Фонвизин в комедиях своих «Бригадире» и «Недоросле» в высочайшей степени умел схватить черты народности».

В месте с Пушкиным декабристы боролись за создание боевой русской сатиры и в этой борьбе естественно опирались на художественное наследие Фонвизина, ознаменовавшее собою значительный этап в истории русской сатирической литературы. Обнаружив в себе умение смешить людей, Фонвизин поставил смех на службу общественно-гражданским интересам.

В таком художнике, как Фонвизин, русская литература испытывала огромную потребность, и когда в России явился новый писатель, автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки»,

способный заставить читателя смеяться над уродливыми явлениями в жизни — Пушкин сразу же выразил глубокое удовлетворение книгой Гоголя: «Как изумились мы русской книге, которая заставила нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина» (т. 7, стр. 346).

Спустя несколько лет, при выходе 2-го издания «Вечеров на хуторе близ Диканьки», Пушкин откликнулся на этот сборник рецензией, в которой подтвердил первоначальную восторженную оценку повестей Гоголя и подчеркнул близость реалистической манеры Гоголя реализму Фонвизина. При этом, учитывая новые произведения Гоголя, Пушкин писал, что «Гоголь непрестанно развивался и совершенствовался».

Конечно, Пушкин не сводил дарование Фонвизина и Гоголя только к умению смешить зрителей. Сила смеха выдающихся сатириков состояла в том, что она направлялась на уродливые явления феодального быта, на крепостнические устои русской жизни. Об авторе «Недоросля» Пушкин писал, что этот «сатирик превосходный громил невежество в комедии народной». Его комедия явилась вехой в истории русской драматургии и театра. Именно с Фонвизина комедия в русской драматургии приобретает национальные черты. По словам Пушкина, в России по сравнению с трагедией «комедия была счастливее. Мы имеем две драматические сатиры»¹.

При всех недомолвках и при всех пережитках классицизма, сатира Фонвизина отличалась жизненностью и целеустремленностью, меткостью и типичностью многих образов. Этого ни за что не хотели признавать критики охранительного лагеря, всячески пытавшиеся опорочить Фонвизина, как художника. Чаще всего попытки исказить представления о фонвизинской сатире делались под флагом эстетики. Так автор из «Сына отечества» (1825) Карниолин-Пинский старался уверить читателей в том, что комедия «Недоросль» Фонвизина не может удовлетворить их эстетических вкусов, что она не является совершенным и оригинальным произведением:

«Фонвизин, — писал он, — бессмертен по замыслу своего Недоросля, но заслуживает осуждения за исполнение оного: в его комедии мало действия и много разговоров, мало чувства и много декламации, много остроумия, но не собственного, и много портретов, но недорисованных»².

¹ Статья „О народной драме и драме „Марфа Посадница“, т. 7, стр. 216.

² „Сын отечества“, 1825, сотая часть № 5, стр. 200.

Пушкин и декабристы в оценке Фонвизина резко разошлись с казенной, реакционной в сущности, точкой зрения, прикрывавшейся эстетической терминологией, и решительно встали на защиту традиций Фонвизина. Для Пушкина было совершенно очевидно, что изображенные Фонвизиним нравы и мнения, не отошли в прошлое. Митрофанушки и Скотинины не умерли. Вполне закономерным поэтому оказался прием сатирической дорисовки образа Скотинина в романе «Евгений Онегин» («Скотининых чета седая»), вполне оправданной оказалась и реплика одной героини Пушкина о том, что времена Митрофанушек еще не прошли. Сатира Фонвизина нужна была передовым кругам, нужна была для окончательного развенчания современных Митрофанушек и Простаковых. Пушкину она служила также одним из источников для изучения дворянских нравов XVIII века (повесть «Капитанская дочка»)¹.

Не потерявшие злободневного значения произведения Фонвизина крайне желательно было сделать достоянием широких кругов читателей. Пушкин стремится всемерно популяризировать творения «сатиры смелого властелина», стремился использовать их в целях поддержки освободительного движения. Этим объясняются многочисленные упоминания о Фонвизине в переписке и в произведениях Пушкина, этим можно объяснить поддержку поэтом всех начинаний по изучению жизни и творчества Фонвизина. В письме Плетневу от 11 апреля 1831 г. Пушкин с радостью сообщал о том, что «Вяземский везет к вам жизнь Фонвизина, книгу едва ли не самую замечательную с тех пор, как пишут у нас книги».

Определяя исторический смысл всей жизни и деятельности Фонвизина, Пушкин не разрывал в ней два ведущие начала — политического свободомыслия и смелой сатиры:

Волшебный край! там в стары годы,

Сатиры смелый властелин,

Блистал Фонвизин, друг свободы...

(«Евгений Онегин»).

Одним из главных требований, предъявляемых Пушкиным к сатире, являлась ее тесная связь с жизнью народа и с его миропониманием. Сатира должна быть народной по своему духу, по манере обличения и по языку. Благодаря тесной связи писателя с жизнью народа, с его образом мыслей, обеспечивается большая действенность его

¹ Д. Д. Благой. «Пушкин и русская литература XVIII в.», в сб. «Пушкин», М., 1940, стр. 160.

сатиры и широкая распространенность ее среди читателей Комедия «Недоросль» «сей единственный — по словам Пушкина — памятник народной сатиры» в русской литературе отвечала духу времени и народности.

Однако ни в ком так ярко и выпукло не проступали черты народности как в знаменитом русском баснописце И. А. Крылове. Пушкин справедливо называет его «истинно народным поэтом». Сопоставляя двух великих баснописцев Лафонтена и Крылова, Пушкин объясняет секрет их успеха народностью их творчества, тем, что они выразили своеобразные черты своих народов. Своеобразие того и другого баснописца основывается на своеобразии физиономии и духа родного народа. Вот почему, по словам Пушкина, «оба они вечно останутся любимцами своих единоверцев» («О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», 1825 г., т. 7).

Французам Лафонтен близок и дорог тем, что на его баснях отразились коренные свойства французского народа, «в частности такое врожденное свойство», как «простодушие». Однако русские люди могут предпочитать ему (т. е. Лафонтену) Крылова, не потому, что они хотят принизить значение французского баснописца, а просто потому, что Крылов им дороже и ближе как поэт, выразивший в своих баснях дух русского народа, его национальные черты.

«Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов» — пишет в той же статье Пушкин. Если Лафонтен воспроизвел характерные особенности французской нации, то Крылов показал целый ряд отличительных национальных свойств русского народа — его «какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться», т. е. те самые черты, которые наиболее показательны для русского народного юмора и сатиры. Народным духом своей поэзии «Крылов — справедливо утверждает Пушкин — превзошел нам известных баснописцев» («Причины, замедлившие ход нашей словесности» — 1824 г.).

Свой взгляд на Крылова Пушкин отстаивал в борьбе с распространенной легендой о безразличии Крылова к общественным интересам и о его зависимости от правительства. Даже друг Пушкина П. Вяземский разделял эту лживую легенду. Он не согласился с оценкой Крылова, данной в статье Пушкина. По мнению Вяземского, мысль о том, что «Крылов — представитель народа» ошибочна: «В уме Крылова есть все же

что-то лакейское»¹. Все это показывает, насколько своевременно была статья Пушкина о национальном значении Крылова.

Суждения Пушкина об истинно народном поэте Крылове совпадают с общей оценкой его басен в известной статье Белинского, совпадали они и с мнением А. Бестужева, который во «Взгляде на старую и новую словестность в России» (1823) писал о Крылове: «Невозможно дать большего простодушия рассказу, большей народности языку. В каждом его стихе виден русский здравый ум».

Чтобы стать истинно народным писателем, необходимо помимо таланта, знания жизни и т. п., смотреть на действительность глазами народа, освещать жизнь с народной точки зрения, писать на родном национальном языке, а умению освещать жизнь в свете народных представлений и стремлений следует учиться у самого же народа и замечательных мастеров его устной поэзии. Мысль о значении устного народного творчества для развития художественной литературы высказывалась Пушкиным много раз.

Предвосхищая известное положение А. М. Горького об основополагающем значении народной поэзии для всей литературы, Пушкин писал, что «В Италии и в Гишпании народная поэзия уже существовала прежде появления ее гениев» («О поэзии классической и романтической»)². Народная поэзия служит основой для развития литературы и всех ее видов, служит также основой для расцвета сатиры в ней. Замечательные образцы юмора и сатиры, созданные в устной народной поэзии, поучительны во многих отношениях для писателей-сатириков.

Пушкин был первым писателем, обратившим серьезное внимание на народную сатиру и осознавшим ее роль в развитии сатирической литературы. Он заметил, что сатира, как острое средство борьбы с нежелательными явлениями, находилась в употреблении народа с испокон веков. В статье «О народной драме и драме «Марфа Посадница» Пушкин не без оснований усматривает истоки комедии в народной сатире:

«Смех, жалость и ужас суть три струны нашего воображения, потрясаемые драм [атическим] волшебством. Но смех скоро ослабевает, и на нем одном невозможно основать полного драматического действия. Древние трагики пренебрегли

¹ Из письма П. А. Вяземского Пушкину от 16 и 18 октября 1825 г. Пушкин А. С. Собрание сочинений, изд-во Акад. наук СССР, 1937 г., т. 13, стр. 238.

² Том 7, стр. 36.

сею пружиную. Народная сатира овладела ею исключительно и приняла форму драм [латинскую] более как пародию. Таким образом развилась комедия, со временем столь усовершенствованная»¹.

Пушкину была очевидна первоначальная зависимость комедии от народной сатиры. Его смелое предположение о генезисе комедии в связи с овладением народа пружиную смеха подтверждается историей русского народного поэтического и театрального творчества. Прежде чем на Руси развились жанры сатирической литературы у нас существовала и развивалась народная сатира в самых различных формах — в форме сатирико-анекдотических сказок (некоторые приводились еще в древнейшей русской летописи), в форме скоморошых представлений, кукольного театра, раешника и др.

Перед своим возникновением в к. XVII и н. XVIII вв. русская комедия имела древние богатые традиции пародийно-сатирического народного театра, в результате чего судьба нашей комедии, по словам Пушкина, оказалась в XVIII и н. XIX вв. счастливее судьбы трагедии. Трагедия в ее развитом виде русскому народному творчеству неизвестна.

О решающем значении народного театра для становления и развития драматического искусства и в первую очередь для комедии говорится во фрагменте Пушкина «Драматическое искусство родилось на площади». Пушкиным отмечалось основополагающее значение народной сатиры и для многих других жанров литературы — для рассказа, песни, романа.

Народная сатира обогащала свежими образами и красками значительные произведения повествовательной литературы. Так в прямой зависимости от народных обличительных рассказов сложился замечательный памятник немецкой сатиры, о котором с удивлением писал Пушкин:

«В Германии (что довольно странно) отличалась новая сатира, едкая, шутливая, коей памятником остался Ренике Фукс» («О поэзии классической и романтической»)².

Еще отчетливее осознавалось Пушкиным могущественное воздействие русских народных сатирических сказок на формирование русской сатирической литературы, в частности, на его собственные сказки, в особенности на сказки о Бове, о «Царе Никите», «О попе и его работнике Балде», «О золотом пестике».

¹ Т. 7, стр. 213.

² Том 7, стр. 35.

В истории борьбы А. С. Пушкина за сатиру как составную и неразрывную часть реализма важнейший этап составила его работа над романом «Евгений Онегин» и участие автора в напряженной полемике, развернувшейся вокруг романа. Творец «Онегина», поднимая и решая множество проблем, в то же время развивал и углублял требования к сатире, плодотворно применял их на практике.

В поисках новой, свободной формы романа Пушкин отказался от традиционных канонов «высокой» поэмы классицизма и сентиментально-нравоучительного романа и, высмеивая отживавшие формы «высокой» поэмы классицизма и сентиментально-нравоучительного романа, он в противовес им выдвинул принцип «свободного» реалистического романа.

В процессе работы над романом Пушкин отмечал, что его роман будет написан в новой жанровой форме и явится произведением, отражающим общественную жизнь, что это произведение будет романом социальным и романом-исповедью, романом лирическим и сатирическим, романтической поэмой и романом-памфлетом, насыщенным темами живой современности. Вполне разделяя установившееся представление об исключительной многогранности замысла «Онегина», мы вместе с тем обращаем внимание на настойчивое стремление Пушкина подчеркнуть полемическую и сатирическую направленность романа.

«Пишу новую поэму, «Евгений Онегин», где захлебываюсь желчью», — сообщал Пушкин 1 декабря 1823 г.¹

Из полемических соображений он был склонен даже выделять сатиру в первых главах как ведущее начало своего реализма: «Это лучшее мое произведение, — писал Пушкин своему брату. — Не верь Н. Раевскому... он ожидал от меня романтизма, нашел сатиру...» (начало февраля 1824 г.)².

Охваченный жгучей ненавистью к крепостническому рабству и самовластью, еще теснее сблизившийся с декабристами, Пушкин был готов к прямой, «лобовой» сатире, к полному развенчанию социально-бытовых основ современного общества. Первые две песни — главы «Онегина» создавались без оглядки автора на цензуру, без всякой надежды на публикацию.

¹ Том 10, стр. 75.

² Том 10, стр. 81.

«О печати и думать нечего» — признавался Пушкин П. А. Вяземскому (4 ноября 1823 г.)¹

В письме к А. Бестужеву (8 февраля 1824 г.), имея в виду обличительную направленность романа, Пушкин замечает: «Если когда-нибудь она (поэма — А. Ж.) и будет напечатана, то верно не в Москве и не в Петербурге»².

А когда возникла возможность продвинуть первые главы в печать (к удивлению самого Пушкина³), автор в предисловии к первой главе не забывает обратить внимание читателей «на достоинства, редкие в сатирическом писателе». В рукописном варианте предисловия еще более определенно говорилось о «сатирическом призвании автора».

Реалистические главы «Онегина», с явно выраженной сатирической окраской, изданные в то время, когда еще шумным успехом пользовались романтические поэмы Пушкина, явились полной неожиданностью для критики. Многие, в том числе декабристы, отнеслись к роману отрицательно, считая его ошибкой гениального человека.

Правда, со временем некоторые представители декабристской литературы стали отказываться от этого утверждения. Так А. Бестужев нашел в романе сатиру и в конечном счете не советовал Пушкину продолжать «Онегина», но «желал бы только, чтобы автор «разуверился в превосходстве его над другими»⁴, т. е. по существу предлагал усилить отрицательные стороны в образе Онегина. Этот совет Бестужева, возможно, нашел отражение в эпиграфе к роману, в той части, где говорится о мнимом превосходстве Онегина.

Лишь из тактических соображений, в целях усыпить бдительность реакционной критики и цензуры, Пушкин старался в известном часто цитируемом исследователями письме к А. Бестужеву от 24 марта 1825 г. предупредить о нежелательности и несвоевременности распространять мнение о сатире в романе. Во всех других случаях, когда его мнение не могло быть предано огласке, Пушкин внушал мысль о сатирической и полемической устремленности романа.

Более того, даже в полемике с друзьями-декабристами по вопросам поэзии он упорно и энергично доказывал право писателя обличать высшее аристократическое общество посред-

¹ Том 10, стр. 70.

² Том 10, стр. 82.

³ «Онегин печатается... Не ожидал я, чтоб он протерся сквозь цензуру» (Пушкин, 25 января 1825 г., т. 10, стр. 119).

⁴ Из письма А. Бестужева Пушкину от 9.III.1825 г. в академ. собр. соч. Пушкина, том 13, стр. 149.

вом сатиры. Тот же А. Бестужев выразил недовольство вниманием автора «Евгения Онегина» к светской жизни, Пушкин незадолго до указанного сообщения А. Бестужеву решительно возразил на это:

«Бестужев пишет мне много об Онегине, — скажи ему, что он неправ: ужели хочет он изгнать все легкое и веселое из области поэзии? Куда же денутся сатиры и комедии?.. Это немного строго. Картины светской жизни также входят в область поэзии...». (Рылееву, 25 января 1825 г.)¹.

Несмотря на невозможность развивать в романе прямую, лобовую сатиру, Пушкин все же сумел сохранить обличительный тон в картинах светской и поместной жизни. Не случайно реакционная критика, разгадав полемическую и сатирическую направленность романа, подняла поход против его автора. В ответ на злобные отзывы враждебной критики Пушкин усилил сатирическую зарядку в последних главах романа, особенно в обрисовке московского и петербургского света.

Нельзя сказать, что современная Пушкину критика не почувствовала сатиры в романе. Напротив, нарастание обличительного пафоса от главы к главе было хорошо замечено противниками Пушкина и это обстоятельство озлобляло и бесило их, вызывало у них ругательные, «разносные» отзывы о романе.

«Северная пчела» (Ф. Булгарин), возглавлявшая реакционный лагерь в журналистике и находившаяся с 1830 г. в открытой вражде с Пушкиным, поднимает вопли о полном падении его писательского таланта, о том, что Пушкин не оправдал надежд на воспевание «в сладких песнях», «великих подвигов» «русских современных героев»², т. е. николаевских генералов и сатрапов. Тенденциозным нападкам автор «Онегина» подвергался также со стороны «Сына отечества», «Атеней», «Санкт-Петербургского зрителя». Н. Полевой объявил последние главы «собранием отдельных бессвязных заметок и мыслей».

Более тонко и незаметно старался принизить значение «Онегина» С. Шевырев, искусно проводивший мысль о ненужности сатиры. Этот реакционный романтик свои, с первого взгляда, хвалебные, отвлеченные суждения о романе сводил к идеалистической теории примирения с действительностью, к теории «желаемого согласия» человека «с самим собой и со всем миром нас окружающим».

Единственно, кто из критиков одобрил усилия Пушкина,

¹ Том 10, стр. 118.

² „Северная пчела“, 1830, № 35.

в его борьбе за право писателя обличать пороки общественно-го быта, как это ни покажется странным, был Надеждин, недавний ругатель Пушкина.

При всей противоречивости и сбивчивости своей общей оценки «Евгения Онегина» Надеждин был, пожалуй, единственным критиком, задолго до Белинского и Чернышевского, заметившим и одобрявшим сатиру в романе А. С. Пушкина, хотя определить ее общественное значение он не мог. Его отзыв о VII гл. романа («Вестник Европы», № 5, 1830 г.) расходился с грубой, неприкрыто враждебной Пушкину реакционной критикой; более того, сатирическая картина московского общества в VII главе была взята критиком «с патриарших прудов» под защиту.

«Драгоценнейшее сокровище всей этой VII главы есть без сомнения — описание Москвы, которое правду сказать, одно и составляет всю ее поэтическую прелесть»¹.

Надеждин восторгается «пародийным изображением» «блаженной неизменяемости московских антиков, запоздавших от последнего столетия» и цитируя отрывок «У тетушки княжны Елены» восклицает: «Прелестно! Бесподобно... Вот где надобно видеть Москву, а не в литературных выжигах!». Критик разгадал главную цель VII главы романа — осмеять нравы московского дворянского общества: «VII глава назначалась самим творцом своим — повертеть пред нами Москву в поэтическом калейдоскопе: это и — сделано как нельзя лучше». Линия на беспощадное обличение высшего дворянского света, взятая поэтом в заключительных главах романа, получила одобрение Надеждина. Не принимая до конца роман, видя в нем много «поэтических безделок», Надеждин вместе с тем высоко оценивал в романе пародийно-сатирические картины и образы, возбуждающие в читателях «иногда — и полный сардонический хохот», советовал автору идти по пути усиления сатиры: «Пусть поэт наш продолжает тешить нас с таким ему одному свойственным искусством. Это ни мало не унижает его таланта. Где жизнь окисает и плеснеет, там поэзия имеет полное право морщиться и гримасничать... И — я признаюсь охотно и искренне, что дожидаясь семи новых глав «Онегина» с большим нетерпением и надеюсь от них большого удовольствия — даже большей чести нашей литературе — чем от одиннадцати долгих груд сумбуру, посвященного Нибуру!»².

¹ «Вестник Европы», 1830, № 5, стр. 219.

² Там же, стр. 224.

В связи с характеристикой романа, хотя и односторонней, Надеждин выдвигал перед писателями задачу «видеть и изображать природу не только поэтически, с лицевой стороны», но и изнутри, «выворачивать ее наизнанку», не останавливаясь перед обличением «низких» и «смешных» предметов. По его мнению, Пушкин заслуживает не порицания, а похвалы за умение показывать жизнь «не с степенного лица, а смешной изнанки». Без всякой иронии критик предрекает Пушкину славу выдающихся сатириков и юмористов мира — «Аристофана, Скаррона, Апулея, Вольтера, Ариосто, Берни, Аритина, истощавших гений свой на построение чудесных гротесков, коим долго жить и пережить многие великолепные здания. Неужели для певца Онегина оскорбительно, если я предскажу ему ту же судьбу и — ту же славу»¹.

Суждения Надеждина о месте сатиры в VII главе романа и о значении сатиры для русской поэзии на этот раз не шли в разрез со взглядами Пушкина.

Роман «Евгений Онегин» представляет собою объективно верное всестороннее воспроизведение действительности («энциклопедию русской жизни») и вместе с тем суровую сатиру на все дворянско-крепостническое общество. В романе осуществлялись две главнейшие задачи реалистического искусства, выдвигаемые Пушкиным и четко и ясно сформулированные впоследствии А. М. Горьким.

«Задача искусства, — писал в одном письме А. М. Горький, — имеет душой своей стремление воплотить в словах, красках, звуках все то, что самое ценное в человеке — благородное, гордое, красивое. Оно изображает пошлое и грубое для посмеяния, для уничтожения и делает это, ставя рядом с низким — благородное, рядом с грубым — нежное»².

Эти две главные задачи искусства впервые в русской литературе объединил А. С. Пушкин. Именно его реализм, как указывал В. Г. Белинский, синтезировал те два потока, два русла (идеальное и сатирическое) в русской поэзии, которые до него текли в ней порознь.

Высмеивая пошлое и низкое в жизни, автор «Онегина» утверждает прекрасное и благородное. Последовательное применение принципа реалистического воспроизведения действительности принесло Пушкину величайшую творческую победу,

¹ „Вестник Европы“, № 7, 1830, стр. 203.

² А. М. Горький. Соб. соч., письма, т. 28, Гослитиздат, 1955, стр. 215—216.

обеспечило ему выполнение двух основных задач искусства — осмеяние пошлой действительности и утверждение положительных начал.

Объективно верное изображение действительности не исключило сатиры в романе. Напротив, сатирическое начало росло и крепло в нем по мере углубления автора в действительность, по мере созревания его реализма. Сатира явилась составной, органической частью реализма Пушкина.

Своеобразие сатиры Пушкина состояло в том, что она везде и всюду, как правило, появляется в рамках бытового и психологического правдоподобия, в рамках верных картин действительности. Это обстоятельство затрудняет выявление сатирического начала в романе.

В отличие от своих предшественников-сатириков XVIII века (Новикова, Фонвизина, Крылова), гиперболизируя показывавших пороки и их носителей, Пушкин сохраняет во всех сатирических образах и картинах ощущение подлинной реальности. Он, за редким исключением, не допускает нарушения масштабов и смещения пропорции жизненных явлений. В редких случаях автор «Онегина» прибегает к карикатурно-гротескным и фантастическим образам (сон Татьяны, портреты некоторых гостей Лариных).

Картины жизни, несущие на себе сатирическую окраску (история воспитания Онегина, поместные и великосветские нравы) строго мотивированы и разворачиваются в пределах обычного и достоверного. Сатирическое окрашивает в романе достоверные и правдоподобные явления, достойные осуждения и уничтожения.

Чем острее ненависть и презрение поэта к крепостническому рабству, тем резче его сатира, тем ярче ее художественные краски.

Сатирическая окраска придавалась тексту различными средствами — иронией автора, иронией действующих лиц, гневными тирадами, хлесткими отрицательными характеристиками, введением знакомых литературных персонажей, пародией, гротеском. Однако ничто так не придавало повествованию остро сатирического звучания как нескрываемое презрение автора «к светской черни» и «к дикому барству».

Презрение — пафос сатиры Пушкина в романе. Презрение к пошлым нравам, жажда уничтожения их — эти чувства неизменно владели Пушкиным при описании картин светской и поместной жизни, усиливаясь к концу романа (VIII глава). Чувство неприязни, презрения к крепостнической действитель-

ности передается читателю и непосредственными замечаниями автора о ней и посредством специального отбора языковых средств.

С целью осмеяния того или иного явления Пушкин широко привлекал из общенародной русской лексики и фразеологии такие формы, в которых заключались пренебрежительно-презрительные оттенки. Слова, уже в самих себе несущие отрицательные значения и оценки, обычны при характеристике неприемлемых типов и явлений: «сосед сопит перед соседом» (о помещиках-соседах Лариных), «перекрахмаленный нахал», «непроходимые глупцы», «отставной советник Флянов, обжора, взяточник и шут», «Сабуров, заслуживший известность подлостью души», «Как зюзя пьяный» (о Зарецком) и т. д., и т. п.

Целям сатирической типизации успешно служили приемы повтора удачно найденных деталей (в портрете Буянова, Трике), творческого развития знакомых из литературы сатирических образов (Буянов, Скотинины), прием сведения образа к одной-двум характерным чертам (помещики — гости Лариных, представители светской черни).

В основу своего романа Пушкин положил идею отрицания феодально-крепостнического строя со всеми его социально-правовыми и моральными нормами. Столичное (петербургское и московское) дворянское общество, поместно-крепостническая среда осуждаются поэтом. Декабристская идея отрицания крепостничества вдохновляла поэта на создание резко обличительных образов и картин. Не с точки зрения помещичьих интересов, как полагал Белинский, не знаящий всей истории романа, а с точки зрения декабристских освободительных идеалов нападал Пушкин на современное общество. Декабристские идеи озаряли Пушкину его работу над романом, над образами, над композицией, под их воздействием Пушкин смело вносил сатирические штрихи в образы Онегина, Ленского, не говоря уже о сатирическом подходе к изображению Зарецкого и других типичных представителей «светской черни» и поместной среды.

Строго критический, отрицательный взгляд Пушкина на жизненную позицию его героя нашел отражение в эпиграфе к роману. Эпиграф (в переводе с французского) гласит: «Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием в своих как добрых, так и дурных поступках — следствие чувства превосходства, быть может, мнимого». В це-

лях документального правдоподобия Пушкин выдавал слова эпитафия за отрывок из письма с французского; на самом деле этот эпитафия был сочинен самим автором¹.

При всех положительных задатках характера Евгений Онегин в целом не представлял собою тип передового человека (как иногда представляют его, особенно в школах). А. И. Герцен справедливо писал: «Брат Онегина за положительный тип умственной жизни двадцатых годов, за интеграл всех стремлений и деятельностей проснувшегося слоя совершенно ошибочно, хотя он и представляет одну из сторон тогдашней жизни.

Тип того времени, один из великолепнейших типов новой истории — декабрист, а не Онегин»².

Противоречивое содержание образа Онегина определило сложное отношение к нему со стороны автора. Там, где Онегин ведет себя в духе господствующих среди «светской черни» понятий, Пушкин обличает и осуждает его, обнажает безнравственную сущность многих поступков и весь породивший его жизненный уклад; там же, где герой вступает в столкновение с высшим светом, с «общими мнениями» и «страстями» «чинной толпы», там сатирические штрихи в очертании образа Онегина меркнут и исчезают. Этот меняющийся подход Пушкина к герою (то пародийно-сатирический — «пою приятеля младого и многожество его причуд», то благожелательно-примирительный — «зачем же так неблагоклонно вы отзываетесь о нем?») не разгадал до конца Белинский, представивший Онегина чрезмерно облагороженным. Считая Онегина лишь жертвой действительности, «страдающим эгоистом», Белинский полностью снимал с него вину за бесцельную паразитическую жизнь.

Пушкин, не снимая вины с Онегина, направляет наиболее ощутительные удары своей сатиры на действительность, на «светскую чернь», для которой идеалом был «NN прекрасный человек», преклоняющийся перед силой традиции и косных привычек.

Важно отметить, что взлеты и нарастание сатиры в романе, нарастание гнева и возмущения автора против косной среды, связано с ростом моральных требований автора и его героини, а также отчасти с нравственным просветлением, с назреванием душевного перелома в Онегине. Самые смелые обличения высшего света неотделимы от взглядов героини и героя, от их

¹ В этом убеждают нас беловые рукописи, где давался другой звучащий несколько слабее вариант эпитафия (см. Пушкин, т. 6, изд. Акад. наук СССР, 1937 г., стр. 663).

² А. Герцен об искусстве, М., 1954, стр. 359.

отношения к жизни. Онегин и особенно Татьяна являются теми двумя главными фокусами, в которые чаще всего преломляется авторская точка зрения на действительность (характеристика московского света в VII гл., петербургского — в III гл. — «ветоши маскарада»¹).

Всю силу и размах сатиры в романе можно почувствовать в полной мере, если принять во внимание весь процесс работы над ним, все его варианты — черновики, беловые списки, печатный текст отдельных глав, «Путешествие Онегина», X главу и все издание. Многогранный своим содержанием роман охвачен духом отрицания и развенчания феодально-крепостнического общества. Сатира на это общество составила одно из ведущих начал пушкинского реализма. Недаром великий русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский связывал главное значение романа для русской литературы с его сатирической направленностью:

«Нельзя сказать... чтобы Гоголь не имел предшественников в том направлении содержания, которое называют сатирическим. Оно всегда составляло самую живую, или лучше сказать, единственную сторону нашей литературы. Не будем делать распространений на эту общеизвестную истину, не будем говорить о Кантемире, Сумарокове, Фонвизине и Крылове, но должны упомянуть Грибоедова... Почти столь же важно было влияние Пушкина как сатирического писателя, каким он явился преимущественно в «Онегине»².

Связь сатиры Пушкина и Гоголя очевидна. Влияние Пушкина на Гоголя как крупнейшего представителя «сатирического направления» было огромным. Известно, что Пушкин вдохновил Гоголя на создание величайших сатирических произведений — «Ревизора» и «Мертвых душ». Поэма Гоголя соприкасалась с романом «Евгений Онегин» антикрепостническим пафосом, общностью жанровых признаков, внутренним сходством образов провинциальных помещиков и чиновников («мертвых душ», Буяновых и Ноздревых, Фляновых и Кувшиных рыл), общностью взглядов на призвание сатирического писателя, созвучием отдельных рассуждений о жизни.

Очень сходно рассуждение Пушкина и Гоголя об определяющем интересе в жизни человека. Гоголю не могли быть неизвестными стихи из первого издания IV главы «Онегина».

¹ Подробный анализ сатиры в романе „Евгений Онегин“ дается в подготовленной нами специальной статье.

² Н. Г. Чернышевский. Избранные соч., Гослитиздат, 1950, стр. 517.

У всякого своя охота,
Своя любимая забота:
Кто бредит рифмами, как я,
Кто целит уток из ружья,
Кто бьет хлопущей мух нахальных,
Кто правит в замыслах войной,
Кто в чувствах нежится печальных,
Кто занимается вином:
И благо смешано со злом¹.

Этим стихам созвучно рассуждение Гоголя о наличии у каждого человека какого-то интереса или определяющей страсти (в главе о Манилове). Однако не в отдельных совпадениях деталей пушкинских и гоголевских произведений обнаруживается творческая близость Пушкина и Гоголя. Главное, что сближало их, — это общность понимания целей и задач художественной сатиры.

В условиях обострения кризиса крепостнического хозяйства и усиления политической реакции, когда общественная роль сатирической литературы намного возросла, Пушкин глубоко сознавал необходимость появления крупного таланта, способного сосредоточить свое внимание и свои силы на изучении пошлой жизни и выпукло, крупным планом, гиперболизированно показать социальную и общественную сущность «пошлости пошлого человека», в каких бы личинах она не скрывалась. Таким сатирическим, нужным всей России талантом явился Н. В. Гоголь. В нем Пушкин увидел необыкновенное дарование, замечательного мастера сатирической типизации; в нем обнаружилось умение использовать гиперболу с целью выявления характерного и существенного в жизни людей.

Великий Пушкин, уловив с первой главы «Мертвых душ» основную особенность художественного метода Гоголя, направил внимание молодого сатирика на изучение распада дворянско-чиновничьей среды, на исследование «пошлости пошлого человека» и показ «мертвых душ» помещичьей России всему народу.

В литературной деятельности Гоголя, в его бессмертных сатирических творениях осуществлялись те принципиальные требования, которые Пушкин предъявлял к сатире. Для Гоголя, как и для Пушкина, сатира представлялась высоким и почетным видом искусства, призванным развенчивать пороч-

¹ Том 6, 1937 стр. 648—649.

ные предметы и характеры посредством смеха, презрения, гнева, негодования.

Великому писателю-сатирику Гоголю были присущи замечательные качества гражданина — пламенный патриотизм, решимость и мужество, непримиримость к пороку, готовность биться с ним упорно и настойчиво, устремленность к высокому народному идеалу, — т. е. те качества сатирика, которые утверждал Пушкин.

Действительно, все выступления Гоголя-сатирика освещались высоким и благородным идеалом. В поисках наиболее эффективных средств обличения Гоголь шел по указанному Пушкиным пути. По этому же пути, по пути развития критического реализма вслед за Пушкиным и Гоголем двигались Тургенев, Гончаров, Некрасов, Островский, Щедрин. У Пушкина-сатирика многому учились поэты-эпиграмматисты 60-х гг., особенно Минаев.

Выдвинутые Пушкиным требования к сатире получили дальнейшее развитие в революционно-демократической критике Белинского, Чернышевского, Добролюбова и нашли творческое осуществление в произведениях Гоголя, Некрасова, Щедрина.

Взгляды Пушкина на сатиру, его творческий опыт по созданию сатирических произведений глубоко поучительны и сохраняют для нашего времени как теоретическую, так и практическую ценность. Большое значение имеют пушкинские принципы и приемы обличения при разработке актуальных проблем советской сатиры.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
5	19 сверху	обуславливалась	обусловливалась
41	10 снизу	выяснены	выяснено
74	15—16 снизу	образцовые. Эпиграммы	образцовые эпиграммы
83	18 сверху	пресмыкательстве	пресмыкательства
104	9 снизу (в сноске)	бездельницы	безделицы
114	20 снизу	Вся согнувшаяся дугой	Вся согнувшись дугой
159	10 сверху	только бы в генералы	только бы довелось в генералы

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ I

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ

ВЫПУСК I

НОВГОРОД
1 9 5 6